

Мировоззрѣніе Достоевскаго.

Послѣдняя лекція проф. Ф. А. Степуна.

Вчера въ залѣ Большой Гильдии лекцію о Достоевскомъ проф. Ф. А. Степунъ читалъ шонѣмекки, что, однако, не помѣшало ему во всю ширь развернуть свой блестящій ораторскій талантъ, и плѣнить слушателей глубиной и чарующимъ блескомъ своихъ мыслей.

Тема о Достоевскомъ, какъ о писателѣ и мыслителѣ слишкомъ обширна, чтобы ее можно было очеркнуть хотя бы схематически въ одномъ докладѣ и потому, естественно, что Ф. А. Степунъ вчера остановился только на самомъ основномъ и центральномъ въ творчествѣ нашего великаго писателя.

— Въ Московскомъ Художественномъ Театрѣ, — вспоминаетъ профессоръ, — Станиславскій ставилъ сцены изъ «Бѣсовъ» и, какъ уже водится въ этомъ театрѣ, въ строго натуралистическихъ тонахъ. Всѣ бытовые особенности, характерныя для Россіи 60-хъ г.г., были строго соблюдены при постановкѣ, но впечатлѣніе получилось такое, что это все же играютъ не Достоевскаго, что такъ Достоевскаго ставить нельзя.

Дѣло въ томъ, что Достоевскій не бытописатель, что онъ не изображаетъ жизнь, не выводитъ въ своихъ романахъ опредѣленные типы, какъ Толстой и Тургеневъ. Характеризуя своихъ героев, онъ дѣйствительно любитъ детали, иногда очень подробно описываетъ наружность героев, ихъ туалеты, манеры и пр. Но, создавъ какъ будто образъ живого человѣка, онъ затѣмъ эти детали самъ же и сглаживаетъ, уничтожаетъ, такъ что въ конечномъ

итогѣ персонажи его романовъ все же не живые люди, а какія-то полуреальные существа. Судить объ ихъ социальномъ положеніи, повседневной жизни, занятіи и пр., т. е. о всемъ томъ, что въ совокупности своей помогаетъ вычерчивать подлинно-живого человѣка въ опредѣленной социальной средѣ, — можно только приблизительно, опущенно.

Происходитъ это потому, что для Достоевскаго человѣкъ и его судьба есть основная и единственная тема и интересуется онъ имъ не какъ явленіемъ природнаго міра, а какъ центромъ бытія, въ которомъ загадка міровой жизни.

Всѣ его главные персонажи, рѣзко распределенные по двумъ группамъ, относятся къ «темнымъ», одержимымъ прометеевской гордостью самовластия и къ «свѣтлымъ», положительнымъ типамъ, — и тѣ, и другіе — люди загадки и всѣ выведенныя въ романахъ лица бытуютъ надъ разгадываніемъ ихъ необычайной судьбы. Всѣхъ притягиваетъ эта загадочная тайна и никто не можетъ найти себѣ покоя, прежде, чѣмъ разгадаетъ тайну, къ примѣру Версилова въ «Подросткѣ» или Ставрогина въ «Бѣсахъ». Разгадываніе человѣка, его судьбы — есть единственное дѣло, которымъ заняты персонажи Достоевскаго. Интересно, что въ то время, какъ «темные» — Ставрогинъ, Версиловъ, Иванъ Карамазовъ разгадываются, къ нимъ все движется, «свѣтлые» — Мышкинъ, Алеша, сами разгадываютъ другіхъ.

Эта страстная устремленность человѣка къ человѣку; это вѣчное исцѣпленіе разгадки тайны приводитъ къ гранціознымъ коллизіямъ, къ буйнымъ поступкамъ. Все въ романахъ Достоевскаго несетъ въ какомъ-то огненномъ вихрѣ, все кружится въ этомъ вихрѣ.

Романы Достоевскаго даже не романы въ точномъ смыслѣ этого слова, а гранціозныя трагедіи, и не романисты-психологи Достоевскій, а трагикъ, и основная тема его романовъ-трагедій — тема о свободѣ. Судьба человѣка, его страдальческія странстванія у Достоевскаго опредѣляются свободой его (человѣка).

Бремя свободы — самое тяжелое бремя, возложенное на человѣка, но Достоевскій не хотѣлъ избавить человѣка отъ страданій цѣною лишенія его свободы. Можно было бы облегчить муки человѣческія, отнявъ у человѣка свободу по плану Великаго Инквизитора или коммунистовъ, но Достоевскій отвергаетъ эти пути принужденія къ добру, такъ какъ понимаетъ, что принудительное добро не есть уже добро, оно, какъ тащее въ себѣ открытое насиліе (коммунисты) или скрытый обманъ (Великій Инквизиторъ) перерождается въ зло.

Существуютъ двѣ свободы: первая, низшая — свобода выбора зла и добра, и вторая, высшая — свобода въ Богѣ, въ добрѣ. Или, иными словами, существуетъ свобода на пути къ Истинѣ и утвержденію Истины въ свободѣ. Но первая свобода предполагаетъ возможность выбора и зла, и эту трагическую судьбу свободы и по-

казываетъ Достоевскій въ судьбѣ своихъ героев: свобода переходитъ въ своеволие, въ бунтующее самоутвержденіе человѣка, въ рабство и гибель, если человѣкъ не хочетъ знать ничего пышлага, чѣмъ человѣкъ.

Съ основной темой о свободѣ у Достоевскаго слетается тема о любви. Онъ раскрываетъ безвыходный трагизмъ любви, неосуществимость ее и нереализуемость ее на путяхъ жизнеустроенія. У Достоевскаго нѣтъ ни прелести любви, ни благообразія жизни семейной. Нельзя найти у Достоевскаго и культа вѣчной женственности, такъ какъ его интересуетъ только мужская судьба, а женщина есть лишь встрѣчающаяся въ этой судьбѣ трудность.

И любить у Достоевскаго обычно двухъ, но по разному, это двоеніе любви изображено имъ съ необычайной силой, напримѣръ, въ «Идиотѣ» въ любви князя Мышкина къ Аглаѣ и любви-страданію его къ Настасьѣ Филипповнѣ, и въ «Подросткѣ» въ страсти Версилова къ Екаторинѣ Николаевнѣ и любви-жадности къ законной женѣ. Но въ творчествѣ Достоевскаго есть лишь одна тема — трагическая судьба человѣка, судьба свободы, любовь и любовь, какъ одна изъ сторонъ проявленія человѣческаго своеволия лишь одинъ изъ моментовъ въ этой борьбѣ. У Достоевскаго Богъ борется съ Дьяволомъ и территория, на которой происходитъ борьба — человѣкъ, и окончательный исходъ борьбы зависитъ отъ самого человѣка.

С. Гордіанъ.